

Княжна Джаваха

Автор:

Лидия Чарская

Княжна Джаваха

Лидия Алексеевна Чарская

Лидия Алексеевна Чарская (1875–1937) – детская писательница и поэтесса, актриса. Семь лет Лидия провела в Павловском женском институте в Петербурге. Впечатления от институтской жизни стали богатым материалом для её будущих книг. Произведения Лидии Чарской пользовались огромной популярностью у юных читателей. Героиня книги «Княжна Джаваха» (1903) – смелая, не по годам мудрая девочка Нина, которая очень хорошо знает историю своего рода и всегда готова защитить своих друзей и близких! На её долю выпадают непростые испытания: смерть матери, тяжёлый характер бабушки, переезд из родной и милой сердцу Грузии в институт в Санкт-Петербург. Но, несмотря ни на что, Нина всегда остаётся верна себе и своему сердцу!

Лидия Чарская

Княжна Джаваха

© Издательство АСТ, 2017

* * *

Часть первая. На Кавказе

Глава I. Первые воспоминания. Хаджи-Магомет. Чёрная роза

Я грузинка. Моё имя Нина – княжна Нина Джаваха-оглы-Джамата. Род князей Джамата – славный род; он известен всему Кавказу, от Риона и Куры до Каспийского моря и Дагестанских гор.

Я родилась в Гори, чудном, улыбающемся Гори, одном из самых живописных и прелестных уголков Кавказа, на берегах изумрудной реки Куры.

Гори лежит в самом сердце Грузии, в прелестной долине, нарядный и пленительный со своими развесистыми чинарами, вековыми липами, мохнатыми каштанами и розовыми кустами, наполняющими воздух пряным, одуряющим запахом красных и белых цветов. А кругом Гори – развалины башен и крепостей, армянские и грузинские кладбища, дополняющие картину, отдающую чудесным и таинственным преданием старины...

Вдали синеют очертания гор, белеют пёрловым туманом могучие, недоступные вершины Кавказа – Эльбрус и Казбек, над которыми парят гордые сыны Востока – гигантские серые орлы...

Мои предки – герои, сражавшиеся и павшие за честь и свободу своей родины.

Ещё недавно Кавказ дрожал от пушечных выстрелов, и всюду раздавались стоны раненых. Там шла непрерывная война с полудикими горцами, делавшими постоянные набеги на мирных жителей из недр своих недоступных гор.

Тихие зелёные долины Грузии плакали кровавыми слезами...

Во главе горцев стоял храбрый вождь Шамиль, одним движением глаз рассылавший сотни и тысячи своих джигитов в христианские селения... Сколько горя, слёз и разорения причиняли эти набеги! Сколько плачущих жён, сестёр и матерей было в Грузии...

Но вот явились русские и вместе с нашими воинами покорили Кавказ. Прекратились набеги, скрылись враги, и обессиленная войною страна вздохнула свободно...

Между русскими вождями, смело выступившими на грозный бой с Шамилем, был и мой дед, старый князь Михаил Джаваха, и его сыновья – смелые и храбрые, как горные орлы...

Когда отец рассказывал мне подробности этой ужасной войны, унесшей за собою столько храбрых, моё сердце билось и замирало, словно желая вырваться из груди...

Я жалела в такие минуты, что родилась слишком поздно, что не могла скакать с развевающимся в руках белым знаменем среди горсти храбрецов по узким тропинкам Дагестана, повисшим над страшными стремнинами...

Во мне сказывалась южная, горячая кровь моей матери.

Мама моя была простая джигитка из аула Бестуди... В ауле этом поднялось восстание, и мой отец, тогда ещё совсем молодой офицер, был послан с казачьей сотней усмирять его.

Восстание усмирили, но отец мой не скоро уехал из аула...

Там, в сакле старого Хаджи-Магомета, он встретил его дочку – красавицу Марию...

Чёрные очи и горные песни хорошенькой татарки покорили отца, и он увёз Марию в Грузию, где находился его полк.

Там она приняла христианскую веру, против желания разгневанного старика Магомета, и вышла замуж за русского офицера.

Старый татарин долго не мог простить этого поступка своей дочери...

Я начинаю помнить маму очень, очень рано. Когда я ложилась в кроватку, она присаживалась на край её и пела песни с печальными словами и грустным

мотивом. Она хорошо пела, моя бедная красавица «деда»![1 - Де?да – мать по-грузински (здесь и далее примечания автора).]

И голос у неё был нежный и бархатный, как будто нарочно созданный для таких печальных песен... Да и вся она была такая нежная и тихая, с большими грустными чёрными глазами и длинными косами до пят. Когда она улыбалась, казалось, улыбалось небо...

Я обожала её улыбки, как обожала её песни... Одну из них я отлично помню. В ней говорилось о чёрной розе, выросшей на краю пропасти в одном из ущелий Дагестана... Порывом ветра пышную дикую розу унесло в зелёную долину... И роза загрустила и зачахла вдали от своей милой родины... Слабея и умирая, она тихо молила горный ветерок отнести её привет в горы...

Несложная песня с простыми словами и ещё более простым мотивом, но я обожала эту песню, потому что её пела моя красавица мать.

Часто, оборвав песню на полуслове, «деда» схватывала меня на руки и, прижимая тесно-тесно к своей худенькой груди, лепетала сквозь смех и слёзы:

– Нина, джаным[2 - Джаны?м – по-татарски душа, душенька – самая употребительная ласка на Востоке.], любишь ли ты меня?

О, как я любила, как я её любила, мою ненаглядную деду!..

Когда я становилась рассудительнее, меня всё больше и больше поражала печаль её прекрасных глаз и тоскливых напевов.

Как-то раз, лежа в своей постельке с закрытыми от подступившей дремоты глазками, я невольно услышала разговор мамы с отцом.

Она смотрела вдаль, на вьющуюся чёрной змееобразной лентой тропинку, убегающую в горы, и тоскливо шептала:

– Нет, сердце моё, не утешай меня, он не приедет!

– Успокойся, моя дорогая, он опоздал сегодня, но он будет у нас, непременно будет, – успокаивал её отец.

– Нет, нет, Георгий, не утешай меня... Мулла[3 - Мулла? – священник у мусульман.] его не пустит...

Я поняла, что мои родители говорили о деду Хаджи-Магомете, всё ещё не желавшем простить свою христианку дочь.

Иногда дед приезжал к нам. Он появлялся всегда внезапно со стороны гор, худой и выносливый, на своём крепком, словно из бронзы вылитом коне, проводя несколько суток в седле и нисколько не утомляясь длинной дорогой.

Лишь только высокая фигура всадника показывалась вдали, моя мать, оповещённая прислугой, сбегала с кровли, где мы проводили большую часть нашего времени (привычка, занесённая ею из родительского дома), и спешила встретить его за оградой сада, чтобы, по восточному обычаю, поддержать ему стремя, пока он сходил с коня.

Наш денщик, старый грузин Михако, принимал лошадь деду, а старик Магомет, едва кивнув головой моей матери, брал меня на руки и нёс в дом.

Меня дедушка Магомет любил исключительно. Я его тоже любила и, несмотря на его суровый и строгий вид, я ничуть его не боялась...

Лишь только поздоровавшись с моим отцом, он усаживался с ногами, по восточному обычаю, на пёстрой тахте, я вскакивала к нему на колени и, смеясь, рылась в карманах его бешмета[4 - Бешмет – род кафтана, обшитого галуном.], где всегда находились для меня разные вкусные лакомства, привезённые из аула[5 - Аул – селение горцев.]. Чего тут только не было – и засахаренный миндаль, и кишмиш[6 - Кишмиш – изюм.], и несколько приторные медовые лепёшки, мастерски приготовленные хорошенькой Бэллой – младшей сестрёнкой моей матери.

– Кушай, джаным, кушай, моя горная ласточка, – говорил он, приглаживая жёсткой и худой рукой мои чёрные кудри.

И я не заставляла себя долго просить и наедалась до отвала этих лёгких и вкусных, словно таявших во рту лакомств.

Потом, покончив с ними и всё ещё не сходя с колен деда, я прислушивалась внимательным и жадным ухом к тому, что он говорил с моим отцом. А говорил он много и долго... Говорил всё об одном и том же: о том, как упрекает и стыдит его при каждой встрече старик мулла за то, что он отдал свою дочь «урусу»[7 - Горцы называли русских и грузин, вообще христиан - урусамии.], что допустил её отречься от веры Аллаха[8 - Алла?х - Бог.] и спокойно пережил её поступок. Отец, слушая деда, крутил только свой длинный чёрный ус да хмурил тонкие брови.

- Слушай, кунак[9 - Куна?к - друг, приятель.] Магомет, - вырвалось у него в одну из таких бесед, - тебе нечего беспокоиться за твою дочь: она счастлива, ей хорошо здесь, наша вера стала ей родной и близкой. Да и поправить сделанного нельзя... Не беспокой же ты даром мою княгиню. Видит Бог, она не переставала быть тебе покорной дочерью. Передай это своему мулле, и пусть он поменьше заботится о нас да поусерднее молится Аллаху.

Боже мой, как вспыхнуло от этих слов лицо деда!.. Он вскочил с тахты... Глаза его метали молнии... Он поднял загоревшийся взор на отца - взор, в котором сказалась вся полудикая натура кавказского горца, и заговорил быстро и грозно, мешая русские, татарские и грузинские слова:

- Кунак Георгий... ты урус, ты христианин и не поймёшь ни нашей веры, ни нашего Аллаха и его пророка... Ты взял жену из нашего аула, не спросясь желания её отца... Аллах наказывает детей за непокорность родителям... Марием знала это и всё же пренебрегла верою отцов и стала твоею женою... Мулла прав, не давая ей своего благословения... Аллах вещает его устами, и люди должны внимать воле Аллаха...

Он говорил ещё долго, долго, не подозревая, что каждое его слово прочно западает в юную головку прижавшейся в уголок тахты маленькой девочки.

А моя бедная деда слушала сурового старика, дрожа всем телом и бросая на моего отца умоляющие взоры. Он не вынес этого немого укора, крепко обнял её и, передёрнув плечами, вышел из дому... Через несколько минут я видела, как он скакал по тропинке в горы. Я смотрела на удаляющуюся фигуру отца, на

стройный силуэт коня и всадника, и вдруг точно что-то толкнуло меня к Хаджи-Магомету.

– Деда! – неожиданно прозвучал среди наступившей тишины мой детский звонкий голос. – Ты злой, деда, я не буду любить тебя, если ты не простишь маму и будешь обижать папу. Возьми назад твой кишмиш и твои лепёшки; я не хочу их брать от тебя, если ты не будешь таким же добрым, как папа!

И, недолго думая, я быстро вывернула карманы, куда набрала привезённые дедом лакомства, и выбросила всё их содержимое на колени изумленного старика.

Моя мать, прижавшись в угол комнаты, делала мне отчаянные знаки, но я не обращала на них внимания.

– На, на! И свой кишмиш бери, и лепёшки бери, и армянские пряники... ничего, ничего не хочу от тебя, злой, недобрый деда! – твердила я, вся дрожа, как в лихорадке, продолжая выкидывать из карманов привезённые им лакомства.

– Кто учит ребенка непочтению к старости? – загремел на весь дом голос Хаджи-Магомета.

– Никто не учит меня, деда! – смело крикнула я. – Моя мама, хоть не молится на восток, как ты и Бэлла, но она любит вас, и аул твой она любит, и горы, и скучает без тебя, и молится Богу, когда ты долго не едешь, и ждёт тебя на кровле... Ах, деда, деда, ты и не знаешь, как она тебя любит!

Что-то необъяснимое при этих словах промелькнуло в лице старика. Орлиный взор его упал на маму. Вероятно, много муки и любви прочёл он в глубине её чёрных кротких глаз, – только его собственные глаза заблестели ярко-ярко и словно задёрнулись набежавшей в них влагой.

– Правда ли, джаным? – скорее прошептал, нежели спросил, Хаджи-Магомет.

– О батано![10 - Бато?но – господин по-грузински; это слово прибавляют для почтительности.] – стоном вырвалось из груди моей матери, и, подавшись вперёд всем своим гибким и стройным станом, она упала к ногам деда, тихо

всхлипывая и лепеча одно только слово, в котором выражалась вся её беспредельная любовь к нему: – О батано, батано!

Он схватил её, поднял и прижал к своей груди.

Я не помню, что было дальше... Я понеслась, как бешеная горная лошадка, по тенистым аллеям нашего сада, будучи не в силах удержать порыв восторженного счастья, захватившего могучей волной моё детское сердечко...

Я носилась, задыхаясь, плача и смеясь в одно и то же время... Я была счастлива, как никогда, острым, захватывающим, почти невыносимым порывом счастья...

Когда, несколько успокоенная, я вернулась в комнату, то увидела мою мать, сидящую у ног деда... Его рука лежала на её чернокудрой голове, и в глазах обоих сияла радость.

Отец, вернувшийся во время моей бешеной скачки по саду, подхватил меня на руки и покрыв моё лицо десятком самых горячих и нежных поцелуев... Он был так счастлив за маму, мой гордый и чудный отец!

Это был лучший день в моей жизни. Это было первое настоящее, сознательное счастье, и я наслаждалась им всем моим юным сердечком...

Вечером у моей постельки они собрались все трое – отец, мать, дед, и я, смеясь сквозь дымку дремоты, соединяла их большие руки в моих крошечных кулаках и заснула под тихий шёпот их ласкового говора...

Новая, чудесная, мирная жизнь воцарилась под нашей кровлей. Дед Магомет чаще приезжал из аула, один или с Бэллой, моей молоденькой тёткой – участницей моих детских игр и проказ.

Но наше счастье длилось недолго. Прошло всего несколько месяцев после того блаженного дня, как вдруг моя бедная дорогая мама тяжело заболела и скончалась. Говорят, она зачахла от тоски по родному аулу, который не могла даже навещать, боясь оскорблений со стороны фанатиков-татар и непримиримого врага её – старого муллы.

Весь Гори оплакивал маму... Полк отца, знавший её и горячо любивший, рыдал как один человек, провожая её худенькое тельце, засыпанное дождём роз и магнолий, на грузинское кладбище, разбитое поблизости Гори.

Мне не верилось до последней минуты, что она умирала...

Перед смертью она не сходила с кровли дома, откуда любовалась синеющими вдали горами и серебристо-зелёной лентой Куры...

– Там Дагестан... там аул... там мои горы... Там отец и Бэлла... – шептала она между приступами кашля и указывала вдаль, по направлению северо-востока, крошечной, почти детской, вследствие поразительной худобы, рукой.

И вся она, укутанная белой буркой, казалась нежным, прозрачным ангелом восточного неба.

Я помню с мучительной ясностью вечер, когда она умирала...

Тахту, на которой она лежала, подняли на кровлю, чтобы она могла полюбоваться горами и небом...

Гори засыпа?л, обвеянный крылом благоуханной восточной ночи... Спали розы на садовых кустах, спали соловьи в чинаровых рощах, спали руины таинственной крепости, спала Кура в своих изумрудных берегах, и только несчастье одно не спало, одна смерть бодрствовала, поджидая жертву.

Мама лежала с открытыми глазами, странно блестящими среди наступающей темноты... Точно какой-то свет исходил из этих глаз и освещал всё её лицо, обращённое к небу. Лучи месяца золотыми иглами скользили по густым волнам её чёрных кос и венчали блестящей короной её матово-белый лоб.

Отец и я притихли у её ног, боясь нарушить покой умирающей, но она сама поманила нас трепещущей рукой и, когда мы склонились к её лицу, заговорила быстро, но тихо-тихо, чуть внятно:

– Я умираю... да, это так... я умираю... но мне не горько, не страшно... Я счастлива... я счастлива тем, что умираю христианкой... О, как хороша она – твоя

вера, Георгий, – прибавила она, повернувшись в сторону моего отца, припавшего к её изголовью, – и я удостоилась её... Я христианка... я иду к моему Богу... Единственному и Великому... Не плачь, Георгий, береги Нину... я буду смотреть на вас... буду любоваться вами... а потом... не скоро, да, но всё же мы соединимся... Не плачьте... прощайте... до свиданья... Как жаль, что нет отца... Бэллы... Передайте им, что я их люблю... и прощаюсь с ними... Прощай и ты, Георгий, моя радость, спасибо тебе за счастье, которым ты подарил меня... Прощай, свет очей моих... Прощай, моя джаным... моя Нина... моя малюточка... Прощайте оба... не забывайте... чёрной розы...

Начинался бред... Потом она уснула... чтобы никогда больше не просыпаться. Она умерла тихо, так тихо, что никто не заметил её кончины...

Я задремала, прикорнув щекою к её худенькой руке, и проснулась под утро от ощущения холода на моём лице. Рука мамы сделалась синей и холодной, как мрамор... А у ног её бился, рыдая, мой бедный, осиротевший отец.

Гори просыпался... Лучи восхода осветили печальную картину. Я не могла плакать, хотя ясно сознавала случившееся. Точно ледяные оковы сковали моё сердце...

А внизу по берегу Куры скакал всадник. Он, видимо, торопился в Гори и безжалостно горячил коня.

Вот он близко... близко... Я узнала в нём деда Магомета...

Ещё немного – и всадник пропал под горою. Внизу хлопнула калитка... Кто-то по-юношески быстро пробежал лестницу, и в ту же минуту Хаджи-Магомет вошёл на кровлю.

Трудно передать тот вопль отчаяния и бессильного, почти нечеловеческого горя, который вырвался из груди несчастного отца при виде тела дочери.

Страшен был крик деда Магомета... он потряс, казалось, не только кровлю нашего дома, но и весь Гори, и диким эхом раскатился в горах, по ту сторону Куры. Вслед за первым воплем раздался второй и третий... Потом дед внезапно затих и, упав на пол, лежал без движения, широко разметав свои сильные руки.

Теперь только поняла я, как бесконечно дорога была моя мать этому полудикому питомцу горных аулов... Вряд ли подозревала она когда-нибудь о силе этой молчаливой отцовской привязанности, вряд ли понимала она своего сурового фанатика-отца! Если бы она могла это чувствовать на своём смертном ложе, каким счастьем озарилось бы её прекрасное лицо!

Но – увы! – ни понимать, ни чувствовать она уже не могла. Перед нами был труп, едва начинающий стынуть, труп той, которая ещё так недавно пела свои чудесные песни, полные восточной грусти, и смеялась тихим, печальным смехом. Только труп...

Она умерла – моя красавица деда! Чёрная роза обрела свою родину... Её душа возвратилась в горы...

Глава II. Бабушка. Отец. Последний отпрыск славного рода

Деды не стало... На горийском кладбище прибавилась ещё одна могила... Под кипарисовым крестом, у корней громадной чинары, спала моя деда! В доме наступила тишина, зловещая и жуткая. Отец заперся в своей комнате и не выходил оттуда. Дед ускакал в горы... Я бродила по тенистым аллеям нашего сада, вдыхала аромат пурпуровых бархатистых розанов и думала о моей матери, улетевшей в небо... Михако пробовал меня развлечь... Он принёс откуда-то орлёнка со сломанным крылом и поминутно обращал на него моё внимание:

– Княжна, матушка, глянь-ка, пищит!

Орлёнок, действительно, пищал, изнывая в неволе, и своим писком ещё более растравлял моё сердце. «Вот и у него нет матери, – думалось мне, – и он, как я!»

И мне становилось нестерпимо грустно.

– Михако, голубчик, отнеси орлёнка в горы, может быть, он найдёт свою деду, – упрашивала я старого казака, в то время как сердце моё разрывалось от тоски и жалости.

Наконец отец вышел из своей комнаты. Он был бледен и худ, так худ, что военный длиннополый бешмет висел на нём, как на вешалке.

Увидя меня, с печальным лицом бродившую по чинаровой аллее, он подозвал меня к себе, прижал к груди и шепнул тихо, тихо:

– Нина, чеми патара сакварело! [11 - Чеми патара сакварело – Моя возлюбленная малютка по-грузински.]

Голос у него был полон слёз, как у покойной деды, когда она пела свои печальные горные песни.

– Сакварело, – прошептал ещё раз отец и покрыл моё лицо поцелуями. В тяжёлые минуты он всегда говорил по-грузински, хотя всю свою жизнь находился между русскими.

– Папа, милый, бесценный папа! – ответила я ему и в первый раз со дня кончины мамы тяжело и горько разрыдалась.

Отец поднял меня на руки и, прижимая к сердцу, говорил мне такие ласковые, такие нежные слова, которыми умеет только дарить чудесный, природой избалованный Восток!

А кругом нас шелестели чинары, и соловей начинал свою песню в каштановой роще за горийским кладбищем.

Я ласкалась к отцу, и сердце моё уже не разрывалось тоскою по покойной маме, – оно было полно тихой грусти... Я плакала, но уже не острыми и больными слезами, а какими-то тоскливыми и сладкими, облегчающими мою наболевшую детскую душу...

Потом отец кликнул Михако и велел седлать своего Шалого. Я боялась поверить своему счастью: моя заветная мечта побывать с отцом в горах осуществлялась.

Это была чудная ночь!

Мы ехали с ним, тесно прижавшись друг к другу, в одном седле на спине самой быстрой и нервной лошади в Гори, понимавшей своего господина по одному слабому движению повода...

Вдали высокими синими силуэтами виднелись мохнатые горы, внизу бежала засыпающая Кура... Из дальних ущелий поднималась седая дымка тумана, и точно вся природа курила нежный фимиам подкрадывавшейся ночи.

– Отец! Как хорошо всё это! – воскликнула я, заглядывая ему в глаза.

– Хорошо, – тихим, точно чужим, голосом ответил он.

И, взглядевшись пристальнее в его чёрные, ярко горящие зрачки, я заметила в них две крупные слезы. Должно быть, он вспомнил деду.

– Папа, – тихо произнесла я, как бы боясь нарушить чарующее впечатление ночи, – мы часто будем так ездить с тобою?

– Часто, голубка, часто, моя крошка, – поторопился он ответить и отвернулся от меня, чтобы смахнуть непрошеные слёзы.

В первый раз со дня кончины мамы я почувствовала себя снова счастливой. Мы ехали по тропинке, между рядами невысоких гор, в тихой долине Куры... А по берегам реки вырастали по временам в сгущающихся сумерках развалины замков и башен, носивших в себе печать давних и грозных времён.

Но ничего страшного не было теперь в этих полуразрушенных бойницах, откуда давно-давно высывались медные тела огнедышащих орудий. Глядя на них, я слушала рассказ отца о печальных временах, когда Грузия стонала под игом турок и персов... Что-то билось и клокотало в моей груди... Мне хотелось подвигов – таких подвигов, от которых ахнули бы самые смелые джигиты[12 - Джигиты – рыцари-горцы.] Закавказья...

Мы только к рассвету вернулись домой... Восходящее солнце заливало бледным пурпуром отдалённые высоты, и они купались в этом розовом море самых нежнейших оттенков. С соседней крыши минарета[13 - Минарет – башенка на мусульманской мечети.] мулла кричал свою утреннюю молитву... Полусонную

снял меня с седла Михако и отнёс к Барбале – старой грузинке, жившей в доме отца уже много лет.

Этой ночи я никогда не забуду... После неё я ещё горячее привязалась к моему отцу, которого до сих пор немного чуждалась...

Теперь я ежедневно стерегла его возвращение из станицы, где стоял его полк. Он слезал с Шалого и сажал меня в седло... Сначала шагом, потом всё быстрее и быстрее шла подо мною лошадь, изредка потряхивая гривой и поворачивая голову назад, как бы спрашивая шедшего за нами отца, как ей вести себя с крошечной всадницей, вцепившейся ей в гриву.

Но какова была моя радость, когда однажды я получила Шалого в моё постоянное владение! Я едва верила моему счастью... Я целовала умную морду лошади, смотрела в её карие выразительные глаза, называла самыми ласковыми именами, на которые так щедра моя поэтичная родина...

И Шалый, казалось, понимал меня... Он скалил зубы, как бы улыбаясь, и тихо, ласково ржал.

С получением от отца этого неоценимого подарка для меня началась новая жизнь, полная своеобразной прелести.

Каждое утро я совершала небольшие прогулки в окрестностях Гори то горными тропинками, то низменным берегом Куры... Часто я проезжала городским базаром, гордо восседая на коне, в моём алом атласном бешмете, в белой папахе, лихо заломленной на затылок, похожая скорее на маленького джигита, нежели на княжну славного аристократического рода.

И торгоши армяне, и хорошенькие грузинки, и маленькие татарчата – все смотрели на меня, разиня рот, удивляясь моему бесстрашию.

Многие из них знали моего отца.

– Здравствуй, княжна Нина Джаваха, – кивали мне они головами и хвалили, к моему огромному удовольствию, и коня, и всадницу.

Но горные тропинки и зелёные долины манили меня куда больше пыльных городских улиц.

Там я была сама себе госпожа. Выпустив поводья и вцепившись в чёрную гриву моего вороного, я изредка покрикивала: «Айда, Шалый, айда!»[14 - Айда? – вперёд на языке горцев.]» – и он нёсся как вихрь, не обращая внимания на препятствия, встречающиеся на дороге. Он скакал тем бешеным галопом, от которого захватывает дух и сердце бьётся в груди, как подстреленная птичка.

В такие минуты я воображала себя могущественной представительницей амазонок, и мне казалось, что за мною гонятся целые полчища неприятелей.

– Айда! Айда! – понукала я моего лихого коня, и он ускорял шаг, пугая мирно бродивших по улицам предместий поросят и барашков.

– Дели-акыз![15 - Дели-акыз – сумасшедшая девчонка по-татарски.] – кричали маленькие татарчата, разбегаясь в стороны, как стадо козлят, при моём приближении к их аулу.

– Шайтан девчонка![16 - Шайта?н – дьявол по-татарски.] – твердили старухи, сердито грозя мне высохшими пальцами и недружелюбно поглядывая на меня из-под седых бровей.

И любо мне было дразнить старух, пугать ребят и нестись вперёд и вперёд по бесконечной долине между полями, усеянными спелой кукурузой, навстречу тёплому горному ветерку и синему небу, манящему к себе своей неизъяснимой прелестью.

Как-то раз, возвращаясь с одной из таких прогулок с тяжёлой виноградной лозой в руках, срезанной мною на ходу во время скачки при помощи маленького детского кинжала, подаренного мне отцом, я была поражена необычайным зрелищем.

На нашем дворе стояла коляска, запряжённая парой чудесных белых лошадей, а сзади неё крытая арба[17 - Арба? – местный грузинский экипаж (телега).] с сундуками, узлами и чемоданами. У арбы прохаживался старый седой горец с огромными усами и помогал какой-то женщине, тоже старой и сморщенной, снимать узлы и втаскивать их на крыльцо нашего дома.

– Михако, – звонко крикнула я, – что это за люди?

Седой горец и сморщенная старушка посмотрели на меня с чуть заметным насмешливым удивлением.

Потом женщина подошла ко мне и, прикрываясь слегка чадрой[18 - Чадра? – покрывало, женский убор на Востоке.] от солнца, сказала по-грузински:

– Будь здорова в твоём доме, маленькая княжна.

– Спасибо. Будь гостьей, – ответила я по грузинскому обычаю и перенесла удивлённый взгляд на седого горца, лошадей и коляску.

Заметив моё изумление, незнакомая женщина сказала:

– Эти лошади и это имущество – всё принадлежит вашей бабушке, княгине Елене Борисовне Джаваха-оглы-Джамата, а мы её слуги.

– А где же она, бабушка? – вырвалось у меня скорее удивлённо, нежели радостно.

– Княгиня там. – И женщина указала по направлению дома.

Соскочить с Шалого, бросить поводья подоспевшему Михако и ураганом ворваться в комнату, где сидел мой отец в обществе высокой и величественной старухи с седою, точно серебряною головою и орлиным взором, – было делом одной минуты.

При моём появлении высокая женщина встала с тахты и смерила меня всю долгим и пронизательным взглядом. Потом она обратилась к моему отцу с вопросом:

– Это и есть моя внучка, княжна Нина Джаваха?

– Да, мамаша, это моя Нина, – поспешил ответить отец, награждая меня тем взглядом восхищения и ласки, которым я так дорожила.

Но, очевидно, старая княгиня не разделяла его чувства.

В моём алом, нарядном, но не совсем чистом бешмете, в голубых, тоже не особенно свежих шальварах[19 - Шальва?ры – шаровары.], с белой папахой, сбившейся набок, с пылающим, загорелым лицом, задорно-смелыми глазами, с чёрными кудрями, в беспорядке разбросанными вдоль спины, я, действительно, мало походила на благовоспитанную барышню, какую меня представляла, должно быть, бабушка.

– Да она совсем дикая джигитка у тебя, Георгий! – чуть-чуть улыбнувшись в сторону моего отца, проговорила она.

Но я видела по лицу последнего, что он не согласен с бабушкой... Чуть заметная добрая усмешка шевельнула его губы под чёрными усами – усмешка, которую я у него обожала, и он совсем серьёзно спросил:

– А разве это дурно?

– Да, да, надо заняться её воспитанием, – как-то печально и укоризненно произнесла бабушка, – а то это какой-то мальчишка-горец!

Я вздрогнула от удовольствия. Лучшей похвалы старая княгиня не могла мне сделать. Я считала горцев чем-то особенным. Их храбрость, их выносливость и бесстрашие приводили меня в неистовый восторг, я им стремилась подражать и втайне досадовала, когда мне это не удавалось.

Между мною и княгиней бабушкой словно рухнула стена, воздвигнутая её не совсем любезной встречей; за одно это сравнение я готова была уже полюбить её, и, не отдавая себе отчёта в моём поступке, я испустила мой любимый крик «айда» и, прежде чем она успела опомниться, повисла у неё на шее. Вероятно, я совершила что-то очень неблагопристойное по отношению к матери моего отца, потому что вслед за моим диким «айда» раздался пронзительный и визгливый голос бабушки:

– Вай-вай![20 - Вай-вай – чисто грузинский возглас горя, испуга.] Что это за ребёнок, да уйми же ты её, Георгий!

Отец, смущённый немного, но едва сдерживающий улыбку, оторвал меня от шеи старухи и стал выговаривать мне за мою необузданную радость.

Его глаза, однако, смеялись, и я видела, что мой милый красавец отец вместо выговора хочет крикнуть мне:

«Нина джаным, молодчина-горец. Джигит!» Этим возгласом он всегда поощрял все мои лихие выходки.

Между тем бабушка торопливо приводила в порядок свои седые букли и говорила сердитым голосом:

– Нет, нет, так нельзя, Георгий, ты растишь маленького бесёнка... Что из неё выйдет, ведает Бог! Такое воспитание невысказано. Она ведь княжна старинного знатного рода!.. Наши предки ведут своё начало от самого Богдана IV! Мы царской крови, Георгий, и ты не должен забывать этого. Твой отец был обласкан государем, я имела честь представляться императрице, ты получил своё воспитание между лучшими русскими и грузинскими юношами и только в силу своего упрямства ты зарылся здесь, в глуши, и не едешь в северную столицу. Мария Джаваха скончалась, – помяни Господь её душу, – её происхождение простой джигитки могло повредить тебе и помешать быть на виду, но теперь, когда она мирно спит под крестом, странно и дико не пользоваться дарами, данными тебе Богом. Я приехала, сын мой, напомнить тебе об этом.

Я взглянула на говорившую. У неё было сердитое и важное лицо. Потом я встретила взгляд моего отца. Он стал мрачным и суровым, каким я не раз видела его во время гнева. Напоминание о моей покойной деде со стороны её врага (бабушка не хотела видеть моей матери и никогда не бывала у нас при её жизни) не растрогало, а скорее рассердило его.

– Матушка, – проговорил он, и глаза его загорелись гневом, – если вы приехали для того, чтобы враждебно говорить о моей бедной Марии, – лучше было бы нам не встречаться!

И он сильно задёргал концы своих чёрных усов, что он делал лишь в минуты большого волнения.

– Успокойся, Георгий, – взволновалась старуха, – я ничем не обижу памяти покойной Марии, но я не могу не сказать, что она не могла быть воспитательницей твоей Нины... Дочь аула, дитя гор, разве она сумела бы сделать из Нины благовоспитанную барышню?

Отец молчал. Замолкла и бабушка, довольная впечатлением, произведённым её последними словами.

В эту минуту взгляд мой нечаянно упал через раскрытую дверь в соседнюю комнату. Там на тахте лежал мальчик одних лет со мною, но ростом гораздо меньше меня и, кроме того, бледнее и воздушнее.

Он протянул худенькие, немного кривые ноги, с которых старая грузинка, виденная мною на дворе, снимала изящные высокие сапожки... Его хрупкое некрасивое личико утонуло в массе белокурых волос, падавших на белоснежный кружевной воротничок, надетый поверх коричневой бархатной курточки. Старая грузинка вместо снятых дорожных сапожек надевала на его слабые, в чёрных шелковых чулках, ноги лакированные туфли с пряжками, каких я ещё не видывала у нас в Гори.

Он вошёл в зал, где мы находились, и остановился у двери, точно сошедший со старинной картины, какие я видела в большом альбоме отца, маленький паж средневековой легенды.

Я успела рассмотреть, что у него, несмотря на пышные белокурые локоны, живой рамой обрамляющие хрупкий продолговатый овал лица, некрасивый, длинный, крючковатый нос и маленькие, узкие, как у полевого мышонка, чёрные глазки.

– Кто это? – бесцеремонно указывая на крошечного незнакомца пальцем, спросила я.

– Это твой двоюродный брат, князь Юлико Джаваха-оглы-Джамата, последний отпрыск славного рода, – не без некоторой гордости проговорила бабушка. – Познакомьтесь, дети, и будьте друзьями. Вы оба сироты, хотя ты, Нина, счастливее княжича... У него нет ни отца, ни матери... между тем как твой отец так добр к тебе и так тебя балует.

Последние слова бабушки звучали с некоторым ехидством.

– Здравствуй! – просто подошла я приветствовать моего двоюродного брата.

Он смерил меня любопытно-величавым взглядом и нерешительно протянул мне свою бледную, сквозящую тонкими голубыми жилками прозрачную руку, всю утопающую в кружеве его великолепных манжет. Я не знала, что мне с нею делать. Очевидно, мой рваный бешмет и запачканные лошадиным потом и пылью шальвары производили на него неприятное впечатление.

Наконец я догадалась пожать его худенькие, сухие пальцы.

Тогда он спросил:

– Вы девочка? – И скользнул недоумевающим взглядом по моим шальварам и папахе, лихо сдвинутой на затылок.

Я громко расхохоталась...

– Бабушка говорила мне, – продолжал так же невозмутимо маленький гость, – что я найду здесь кузину-княжну, но ничего не упоминала о маленьком брате.

Я захохотала ещё громче; его наивность приводила меня в восторг, и к тому же я радовалась его бессознательной похвале – ведь он принял меня за мальчика!

Бабушка и отец тоже рассмеялись.

– Пойдёмте в сад! – успокоившись, предложила я маленькому князю и, не дожидаясь его согласия, взяла его за руку.

Он беспрекословно повиновался и, не вынимая своих аристократических пальчиков из моей чёрной от загара, не по годам сильной руки, последовал за мною.

Я долго водила его по тенистым аллеям, показывая выведенные мною розы, потом повела в оранжерею за домом и угощала персиками... Он рассматривал всё равнодушно-спокойными глазами, но от фруктов отказался, говоря, что у

него больной желудок.

Я, никогда ничем не болевшая и наедавшаяся персиками и дынями до отвала, с жалостным презрением посмотрела на него.

Мальчик с больным желудком! Что может быть печальнее?

Но моё презрение ещё больше увеличилось, когда Юлико задрожал всеми членами при виде ковылявшего по аллее навстречу нам орлёнка.

– Господи! Откуда это страшилище? – почти со слезами вскрикнул он и спрятался за мою спину.

– Да он не кусается, – поторопилась я его успокоить, – это Казбек, ручной орлёнок, выпавший из гнезда и принесённый мне папиным денщиком. Ты не бойся. Можешь его погладить. Он не клюнет.

Но Юлико, очевидно, боялся и дрожал, как в лихорадке.

Тогда я подхватила Казбека на руки и прижала к своей щеке его маленькую голову, вооружённую громадным клювом.

– Ну вот видишь, он не тронул меня, и ты можешь его приласкать, – урезонивала я моего двоюродного брата.

– Ах, оставьте вы эту скверную птицу! – вдруг пискливо крикнул он и весь сморщился, готовый расплакаться.

– Скверную? – вспыхнула я. – Скверную? Да как ты смеешь оскорблять так моего Казбека?.. Да сам ты... если хочешь знать... скверный цыплёнок...

Я вся покраснелась от негодования и не находила слов, чем бы больнее уколоть глупого трусишку.

Но он, казалось, мало обратил внимания на нелестное название, данное ему его дикой кузиной. Он только поёжился немного и весь, точно нахохлившись, как настоящий цыплёнок, выступал подле меня своими худыми, кривыми и

длинными ножками.

Мы поднялись на гору, возвышавшуюся за нашим садом, на которой живописно раскинулись полуразрушенные остатки древней горийской крепости.

С другой стороны, уступом ниже, лежало кладбище, на самом краю которого виднелся столетний кипарис, охраняющий развесистыми ветвями могилу мамы. Заросший розовым кустом могильный холмик виднелся издалека...

- Там лежит моя деда! - тихо произнесла я и протянула руку по направлению кладбища.

- Ваша мама была простая горянка; её взяли прямо из аула... - слышался надменный голосок моего кузена.

- Ну что ж из этого? - вызывающе крикнула я.

- Ничего. А вот моя мама принадлежала к богатому графскому роду, который всегда был близок к престолу Белого царя, - с торжественной важностью пояснил Юлико.

- Ну и что ж из этого? - ещё более вызывающе повторила я.

- А то, что это большое счастье иметь такую маму, которая меня могла выучить хорошим манерам, - продолжал Юлико, - а то я бы бегал по горам таким же грязным маленьким чеченцем[21 - Чече?нец - горец.] и имел бы такие же чёрные, осетинские руки, как и у моей кузины.

Его крохотные глазки совсем сузились от насмешливой улыбки, между тем как руки, с тщательно отполированными розовыми ногтями, небрежно указывали на мою запачканную одежду.

Это было уже слишком! Чаша переполнилась. Я вспыхнула и, подойдя в упор к Юлико, прокричала ему в ухо, вся дрожа от злости и негодования:

- Хотя твоя мать была графиня, а моя деда - простая джигитка из аула Бестуди, но ты не сделался от этого умнее меня, дрянная, безжизненная кукла!..

И потом, едва владея собой, я схватила его за руку и, с силой трясла эту хрупкую, слабенькую руку, продолжала кричать так, что слышно было, я думаю, в целом Гори:

– И если ты ещё раз осмелишься так говорить о моей деде, я тебя сброшу в Куру с этого уступа... или... или дам заклевать моему Казбеку! Слышишь ты?!

Вероятно, я была страшна в эту минуту, потому что Юлико заревел, как дикий тур горного Дагестана.

В этот день, ознаменованный приехавшей к нам незнакомой мне до сих пор бабушкой, я, по её настоянию, была в первый раз в жизни оставлена без сладкого. В тот же вечер ревела и я не менее моего двоюродного братца, насплетничавшего на меня бабушке, – ревела не от горя, досады и обиды, а от тайного предчувствия лишения свободы, которую я так чудесно умела до сих пор пользоваться.

– Барбале, о Барбале, зачем они приехали? – рыдала я, зарывая голову в грязный передник всегда мне сочувствующей старой служанки.

– Успокойся, княжна-козочка, успокойся, джаным-светик, ни одна роза не расцветёт без воли Господа, – успокаивала меня добрая грузинка, гладя мои чёрные косы и утирая мои слёзы грубыми, заскорузлыми от работы руками.

– Лучше бы они не приезжали – ни бабушка, ни этот трусишка! – продолжала я жаловаться.

– Тише, тише, – пугливо озиралась она, – услышит батано-князь, плохо будет: прогонят старую Барбале. Тише, ненаглядная джаным! Пойдем-ка лучше слушать соловьёв!

Но соловьёв я слушать не хотела, а, не желая подводить своими слезами Барбале – мою утешительницу, я пошла в конюшню, где тихим, ласковым ржанием встретил меня мой верный Шалый.

– Милый Шалый... светик мой... звезда очей моих, – перешла я на мой родной язык, богатый причитаниями, – зачем они приехали? Кончатся теперь наши

красные дни... Не позволят нам с тобой скакать, Шалый, и пугать татарчат и армянок. Закатилось наше солнышко красное!

И я припадала головой к шее моего вороного и, цепляясь за его гриву, целовала его и плакала навзрыд, как только умеет плакать одиннадцатилетняя полудикая девочка.

И Шалый, казалось, понимал горе своей госпожи. Он махал хвостом, тряс гривой и смотрел на меня добрыми, прекрасными глазами...

Глава III. Два героя. Абрек. Моя фантазия

Бабушка с Юлико приехали надолго, кажется, навсегда. Бабушка поселилась наверху, в комнатах мамы. Эти дорогие для меня комнаты, куда я входила со смерти деда не иначе как с чувством сладкой тоски, стали мне теперь вдруг ненавистными. Каждое утро я и Юлико отправлялись туда, чтобы приветствовать бабушку с добрым утром. Она целовала нас в лоб – своего любимчика внука, однако, гораздо нежнее и продолжительнее, нежели меня, – и потом отпускала нас играть.

Из Гори приходила русская учительница, дававшая нам уроки – мне и Юлико. Мой кузен оказывался куда умнее меня. Но я ему не завидовала: теперь мне это было безразлично. Моя свобода, мои чудесные дни миновали и ко всему остальному я относилась безразлично.

С бабушкой приехало пять человек прислуги. Седой горец, как я узнала, был нукер[22 - Ну?кер – слуга.] покойного деда и провёл вместе с ним не один поход. Этот нукер, родом из Кабарды, бывший чем-то между дворецким и конторщиком в доме бабушки, сразу удостоился моего расположения. Между ним и папиным Михако установился род постоянных междоусобий по поводу вероисповеданий, храбрости, выносливости грузин и горцев – словом, они спорили обо всём, о чём можно было только спорить, благо предметов для спора находилось немало.

Михако знал, что старый нукер был родом из мюридов[23 - Мюри?ды – воины, окружавшие Шамиля.] – воинов грозного Шамиля, но, увлечённый львиною

храбростью моего деда и образцовыми правилами русских солдат, ушёл от своих и на глазах самого Шамиля предался русским.

Правда, он не дрался со своими, но сопровождал деда во всех его походах и был отличён не раз самим главнокомандующим, князем Барятинским.

Я любила до безумия рассказы старого Брагима и с этою целью не раз подговаривала Михако подзадорить нукера. Тот не заставлял себя долго просить для потехи «княжны-джаным», своей любимицы.

– А что, батоно, – начинал Михако, лукаво подмигивая мне глазом, – ведь, слышно, ваш Шамиль большой хвастун был?

– Нет, ага[24 - А?га – господин по-горски.] (они во время самых горячих споров иначе не величали друг друга), не говори так: Шамиль был великий вождь и не было такого другого вождя у мюридов.

– Да что же он сам-то уськал, уськал свой народ, травил его исламом, а как попался, так сам же с повинной пришёл к нашему вождю. Ведь небось не бросился в пропасть, как в плен его взяли? Нет, привёл-таки своих жён, и сыновей, и внуков и сдал их на русское милосердие.

– Не говори, ага, того, чего не знаешь, – сурово останавливал Брагим. – Наши долго бились... долго осаждали... Неприступное то было гнездо... На самой вершине гор засел вождь мюридов... В этой борьбе убили моего князя-орла... А мы всё шли, все поднимались... В то время два ангела бились в небесах у Аллаха, белый и чёрный... Белый победил... и сбросил чёрного в бездну... Задрожали горы, а с ними и гнездо великого Шамиля. И понял гордый старец волю Аллаха, и открыл ворота крепости, и вывел жён и детей своих... Я был рядом, за камнем белого вождя. Я видел, как белый вождь принял из рук Шамиля его саблю... кривую, длинную, изрубившую на своём веку немало урусов.

– Вот то-то и скверно, что он отдал саблю, батоно, лучше бы он себя самого этой саблей, – и Михако хладнокровно показывал рукой воображаемое движение сабли вокруг своей шеи.

Брагим недовольно крутил бритой головою. Он не одобрял втайне поступка Шамиля, но не хотел предавать своего бывшего вождя на суд уруса-грузина.

– Скажи, батоно, – начинал снова Михако, дав немного остыть старому нукеру от его воинского задора, – кто, по-твоему, скорее в рай попадёт: наши или ваши?

– Аллах не делит людей на племена... У него только светлые и тёмные духи.

– А воины, мюридские или урусы, наследуют землю Магомета?

– Все храбрые, без различия племён и сословий: и уздени[25 - Узде?нь – дворянин (прим. ред.)], и беки[26 - Бе?ки – князя.], и вожди, и простые джигиты, все они одинаково дороги Магомету, – отвечал невозмутимо старик, сверкая из-под седых бровей юношески быстрыми глазами.

Я до страсти любила такие разговоры, особенно когда Брагим воодушевлялся и раскрывал передо мною дивные и страшные картины боя, там, в далёких горных теснинах, среди стремнин и обрывов, под дикий шум горных потоков, смешанный с оглушительной пушечной пальбой и стонами раненых.

Я видела точно в тумане страшные крутизны, усыпанные, как мухами, нашими солдатами, лезущими на приступ... Их встречают градом пуль, лезвием шашек, криками «Алла!», «Алла!». И вот гнездо разрушено. Грозный вождь делается смиренным пленником и слёзно молит о свободе. И белый и тёмный вождь долго смотрят друг другу в очи... Страшен и непроницаем этот взгляд... Тысячи русских и столько же горцев ждут решения. И что-то дрогнуло в сердце русского героя при виде пленного кавказского орла. Ему обещана милость устами князя, – обещано милосердие Белого царя.

Хорошо это! Дивно хорошо! И никогда раз видевший не забудет этой картины. А он её видел – счастливец Брагим! О, как я ему завидовала!..

Кроме Брагима с бабушкой приехала ещё старая горничная, приветствовавшая меня в саду в первый день приезда. Её звали Анной. С нею был её внук Андро, маленький слабоумный камердинер Юлико, потом девушка Родам, взятая в помощь Анне, и ещё молодой кучер и наездник, быстроглазый горец Абрек.

Отца я за это время видела мало. У него начиналась усиленная стрельба в полку, и он целые дни проводил там.

Прежде, бывало, я поджидала его за садом у спуска к берегу Куры, но бабушка нашла неприличными для сиятельной княжны мои одинокие прогулки, и они постепенно прекратились. С Шалым, к моей великой радости, я могла не расставаться. Правда, за мною теперь постоянно ездил Абрек или вечно задумчивый, блаженный Андро, но они мне не мешали.

Ведь и раньше на более продолжительные прогулки меня не отпускали без Михако. Но Михако терпеть не мог подобных поездок, потому что уставал в достаточной мере за домашними работами и к тряске в седле не питал особого влечения.

Зато Абрек умел и любил ездить. Он показал мне такие места в окрестностях Гори, о существовании которых я не имела ни малейшего понятия.

– Откуда ты всё это знаешь, Абрек? – удивлялась я. – Ведь ты не был ни в Алозани, ни в Кахетии.

– Иок[27 - Ио?к – нет по-горски.], – смеялся он в ответ, блестя своими белыми как сахар и крепкими зубами, – иок! Не был.

– Откуда же ты знаешь? – приставала я.

– Абрек всё знает. От моря до моря всё знает. – И он прищёлкивал языком и улыбался ещё шире, отчего лицо его получало хищное и лукавое выражение.

В нём было что-то лживое. Но я любила его за отчаянную храбрость, за то, что он всюду поспевал, как птица, на своём быстроногом коне, забивавшем порой своей ловкостью и скоростью моего Шалого.

Бесстрашный и смелый на диво был этот Абрек.

Он выучил меня шутя джигитовке потихоньку от бабушки, и, когда я на всём скаку поднимала воткнутый в землю дагестанский кинжалик, он одобрительно кивал головой и, прищёлкивая языком, кричал мне:

– Хорошо! Молодец! Джигит будешь!

Я дорожила этими похвалами и гордилась ими.

Абрек был в моём понятии настоящим типом молодца-джигита.

С ним я выучилась всем тайнам искусства верховой езды и джигитовки и вскоре ничуть не уступала в ловкости своему учителю.

– Абрек! – кричала я в восторге от какой-либо новой ловкой проделки. – Где ты выучился всему этому?

Он только смеялся в ответ.

– Горец должен быть ловким и смелым, а не то это будет баба-осетинка[28 - Осетины – презираемое между горцами племя.], либо... – и тут он значительно подмигивал по направлению нашего дома, – либо княжич Юлико.

Если б бабушка услышала его слова, то, наверное бы, и дня не продержала под своей кровлей.

С Юлико у меня установились самые неприязненные отношения. Я не могла выносить его надменного вида, его женственно-нарядных костюмов, его «по-девчонски» причёсанной кудрявой головы.

«О, этот уж не будет никогда джигитом!» – тайно злорадствовала я, встречая его на прогулке в саду, где он чинно выступал по утоптаным дорожкам, боясь запачкать свои щёгольские ботинки, и прибавляла вслух, смеясь ему прямо в лицо:

– Княжич Юлико! А где же твои няньки?

Он злился и бежал жаловаться бабушке. Меня оставляли в наказание без пирожного, но это нимало не огорчало меня и на следующий день я выдумывала новые способы раздражить моего двоюродного брата.

– Что с тобой, Нина? – как-то раз серьёзно и строго спросил меня отец, застав меня и Юлико в самом горячем споре. – Что с тобой, я не узнаю тебя! Ты забываешь обычай своей родины и оскорбляешь гостя в своём доме! Нехорошо, Нина! Что бы сказала твоя мама, если б видела тебя такую?

– О папа! – могла только выговорить я, задыхаясь от сухих рыданий, надрывавших мою грудь, и бросилась бежать со всех ног, чтобы не дать торжествовать Юлико.

О, как я его ненавидела! Вся моя детская душа собрала, казалось, все злобные чувства гнева, обиды и презрения, чтобы вылить их на голову злополучного княжича.

– Барбале, я не могу, я не могу больше, – задыхаясь, говорила я моей поверенной, – я убегу отсюда, Барбале.

– Что ты? Христос и святая Нина, твоя покровительница, да будут над тобою! – шептала старуха и крестила меня своей заскорузлой рукою.

– Да ты понимаешь ли, что они внесли сюда горе, раздор и злобу! Ведь они сделали меня такую! Ведь разве я похожа на прежнюю княжну Нину!

– Эх, княжна-джаным, у всякого своё горе! – тяжело вздыхала Барбале.

Я понимала её молчаливую тоску.

Дело в том, что с тех пор, как приехала бабушка со своим штатом, все заботы по дому и хозяйству, лежавшие на ней, перешли к Анне, горничной княгини. Теперь не Барбале, а Анна или хорошенькая Родам бегала по комнатам, звеня ключами, приготавливая стол для обедов и завтраков или разливая по кувшинам сладкое и лёгкое грузинское вино. Я видела, как даже осунулась Барбале и уже не отходила от плиты, точно боясь потерять свои последние хозяйственные обязанности.

– Бедная Барбале! Бедная старушка! – растроганно говорила я, глядя с любовью её загорелые щёки.

– Бедная княжна, бедная джаным! Бедная сиротка! – вторила мне она, и мы обнимались крепко и горячо, как родные.

Как-то раз бабушка, всевидящая и вездесущая, услышала наши жалобы и прислала за мною Родам.

– Пожалуйста, княжна, княгиня просит, – лукаво улыбаясь, объявила мне она.

Я не любила Родам за её чрезмерную привязанность к моему врагу Юлико, с которым она, взапуски с Андро, нянчилась, как с коронованным принцем. Я передёрнула плечами (эту привычку я переняла от отца) и стала медленно подниматься в комнаты бабушки.

Она меня встретила, красная, как пион, забыв в своём волнении всё величие, достойное княгини, происходившей родом от самого Богдана IV, и, измерив всю меня враждебным взглядом, визгливо закричала:

– Так вот оно что, внучка! Вы бегаετε жаловаться на меня судомойкам и кухаркам... на меня – на вашу бабушку, желающую вам только добра и пользы! Чем я вам не угодила, позвольте спросить, чем? Тем ли, что я прилагаю все мои старания, чтобы из скверного, необузданного мальчишки сделать хоть сколько-нибудь приличную барышню?.. Юлико сказал мне, что ты продолжаешь дразнить его, гадкая девчонка! Предупреждаю, если это будет продолжаться, я отниму лошадь и велю запрягать её в фаэтон, а ты будешь сидеть до тех пор дома, пока осенью я не отвезу тебя в институт!

Слова бабушки как громом меня поразили... Мне казалось, что земля уходит из-под моих ног!

Институт... возможность потерять Шалого... и в конце концов жалобы, вечные жалобы этого противного Юлико...

– Нет... нет... ни за что не расстанусь с Шалым и не поеду в институт... Ведь не повезут же меня туда связанную, в самом деле! А Юлико я ненавижу и никогда не перестану изводить его...

Так рассуждала я, и в голове моей зрели планы, один другого замысловатее, как бы досадить ненавистному мальчишке.

Я вышла, шатаюсь, из комнаты.

Моя злоба к Юлико разгоралась всё сильнее и сильнее...

Мне живо стали представляться картины одна другой несообразнее, но полные огня и красок, на которые способно только пылкое воображение молоденькой южанки. Мне казалось, что я – могущественная из королев, веду непримиримую войну с моим родственником, тоже королём, Юлико. Мы бьёмся долго, бьёмся насмерть... Мои воины оказывают чудеса храбрости... Враги побеждены... Король их – мой пленник... Он стоит передо мною, весь закапанный кровью, со связанными за спиной руками, испуганный насмерть тем, что его ожидает. А его ожидает смерть. Этого требуют мои воины...

– Князь Юлико... то есть король (поправляю я себя мысленно), знаете ли вы, что будет с вами?

Он бледнеет, ноги его дрожат и подкашиваются... Он на коленях передо мною униженно молит о пощаде.

– Вы должны умереть, ваше величество, – говорю я (в такую минуту я не могу называть его иначе, и потом он, в моём воображении, был храбр и дрался, как лев).

Он поднимает ко мне бледное и прекрасное лицо... (Неприменно прекрасное... Юлико, король моей фантазии, не может обладать длинным носом и мышинными глазками настоящего Юлико.) Я читаю в его лице смертельный ужас.

Тогда я сзываю моих воинов звуком серебряного рога, такого именно, какой бывает только у героев и вождей, и говорю им:

– Я, ваша королева, прошу у вас милости для этого царственного пленника... Я отдаю вам за его жизнь все мои сокровища! Вы должны, вопреки обычаю предков, пощадить его!

И вожди и воины, поражённые моим великодушием, высоко поднимают меня на щите, как это делалось у древних народов, и молодой пленный король склоняется к моим ногам, целуя мои одежды.

– Вот как я тебе отомстила, Юлико! – кричу я ему и, забыв действительность, бегу, как безумная, по чинаровой аллее.

Мои щёки горят... Разметавшиеся косы хлещут меня по спине... Я натываюсь на Абрека, седлающего Шалого...

– Скорей, скорей, едем, Абрек! – кричу я в исступлении.

Но вдруг взгляд мой замечает ненавистную маленькую фигуру, приютившуюся в тени каштана, и я бросаю новое оскорбление Юлико, – не королю воображаемой сказки, а настоящему Юлико с длинным носом и мышинными глазками:

– Слушай, князь-девчонка, если ты ещё раз осмелишься сплетничать на меня бабушке, то я затопчу тебя копытами моего Шалого! Слышишь?

И вихрем уношусь в горы...

Глава IV. Бэлла. Неожиданная радость

– Нина! Княжна-джаным! Сердце моё!

– Бэлла, радость!

– Золотая Нина!

– Бэлла! Бэллочка! Драгоценная!

Весь этот поток нежных имён вылился сразу с бурными поцелуями и горячими объятиями у ворот нашего сада, где стояли две чистокровные горные лошадки и два джигита в праздничных нарядах. В одном я узнала дедушку Магомета;

другой, молоденький, быстроглазый, оказался моей хорошенькой тёткой, сестрой покойной деда, Бэллой, дочерью Хаджи-Магомет-Брека. Хотя моя тётка была старше меня лет на 6 или на 7, но мы были с нею закадычными друзьями. Бэлла редко бывала в Гори, и потому её громадные чёрные глаза так и сияли жадным любопытством.

– Золотая моя джаным, хорошенькая, изумрудная моя, яхонтовая... – тянула она своим певучим голоском, и смеялась, и целовала меня, и звенела запястьями под голубым, золотом шитым бешметом.

– А мы ехали... долго... ехали... всё горами... горами... останавливались только у духанов[29 - Духа?н – кабачок, харчевня.], а ночевали в аулах... – рассказывала она, поминутно пересыпая свою речь весёлым, детски-беспечным смехом.

– Как же ты без чадры[30 - Обычай татарок скрывать лицо чадрую.], Бэлла? – удивилась я, зная, что дед Магомет строго придерживается обычаев горцев.

– Тсс! – лукаво погрозила она пальцем и покосилась на отца, дружески обнимающегося с подоспевшим папой. – Чадра под бешметом... Здесь урусы, а ваши женщины не прячутся под чадрую... Я в гостях у урусов.

– Молодец, Бэлла! Ай да дикая козочка, – рассмеялся мой отец и повёл дорогих гостей к дому.

– А у нас новость, – шёпотом сообщала я моему другу. – Приехала чужая бабушка... такая важная и сердитая... А с нею брат... двоюродный... Такой кудрявый... вот увидишь, и злющий, как голодный волчонок.

– Голодный волчонок! – подхватила Бэлла и громко, раскатисто рассмеялась.

На крыльце нежданных гостей встретила бабушка со своим неизменным Юлико.

– Здравствуй, Хаджи-Магомет, добро пожаловать, – насколько могла любезнее, приветствовала она деда, своего давнишнего врага.

– Здравствуй, княгиня, – сурово, без улыбки ответил старик, не любивший её за её чрезвычайную кичливость.

– Здравствуй, госпожа! – прозвучал звонко голосок Бэллы, и смеющееся, полное своеобразной прелести личико предстало перед старухой.

– Эта хорошенькая девушка – твоя дочь, ага Магомет? – обратилась бабушка к гостю.

Тот молча кивнул головой.

– Ты счастлив, должен быть, ага, имея такую прекрасную дочь!.. – желая довершить любезность, продолжала бабушка.

– Будь благословенна Аллахом, госпожа, за твою доброту, – сурово произнёс старик и остановил ласковый и грустный взгляд на дочери.

«Верно, он вспомнил деду», – подумала я и не ошиблась.

– У меня была и другая дочь, такая же прекрасная и добрая, но волею Аллаха она в раю... – тихо произнёс он.

Всем стало грустно... Всем вспомнилась моя милая, незабвенная красавица мать.

– А вот это внук мой, княжич Юлико, – не без тайной гордости произнесла бабушка, выдвигая вперед своего любимца.

И вдруг весёлое личико моей молоденькой тётки сморщилось от смеха, и задрожали и запрыгали на её груди звонкие золотые монисты и ожерелья.

Она без церемонии трогала пальцами бархатный костюмчик моего кузена, его отложной воротничок, его длинные, как у девочки, кудри и хохотала до упаду.

– Косы девушки... шальвары мальчика... ай да джигит! – кричала она, не стесняясь, между бешеными приступами хохота.

Мы с отцом не могли не улыбнуться, смотря на эту весёлую и живую дикарку.

– Перестань, Бэлла! – строго прикрикнул дед, видя, что старая княгиня начинает краснеть от приступа досады и сам виновник этого смеха не знает куда деться от смущения.

Смех прекратился, но Бэлла долго не могла успокоиться. Много позднее, с возрастающим хохотом, говорила мне:

– Я думала, это кукла... а он живой, настоящий... Джигитом будет.

И мы обе, и тётка и племянница, полные веселья и жизненного задора, умирали со смеху.

– Знаешь, зачем я приехала? Джанночка, светик мой! – говорила мне она, увлекая меня на наше любимое место – под ветви старой густолиственной чинары, и быстро продолжала, не дожидаясь моего ответа: – Ведь Бэлла, не простая Бэлла, Бэлла счастливая... под хорошей звездой родилась... Бэлла замуж идёт за узденя... за богатого... всего много будет... и табун будет... и стадо будет... и золото... всё!

– Бэллочка! – воскликнула я в ужасе. – Ты замуж! Да ведь ты маленькая!

– Маленькая!.. – засмеялась она неудержимым смехом. – Так что ж? Мне лет много... Ещё весна... и ещё весна... и ещё... три весны и ещё... и Бэлла – старуха... и никто не женится на Бэлле... даже самый старый пастух...

– Да как же, Бэллочка, я-то? – чуть не с плачем вырвалось у меня.

– У-у, глупая джанночка! Ты моя подруга будешь, самая близкая... Сестра будешь... На свадьбе моей лезгинку плясать будешь. У-у, красавица моя, лань быстроглазая! Душечка!

И она опять целовала меня крепко и восторгалась мною с живостью и горячностью её азиатской натуры.

Мне ужасно странным казалось, что крошка Бэлла, семнадцатилетняя девушка, подруга моих детских игр, сорванец и весёлая шалунья, выходит замуж. Я боялась лишиться моей бойкой черноглазой подруги, но желание

присутствовать на её свадьбе, плясать удалую лезгинку, которую я исполняла в совершенстве, а главное – возможность уехать на несколько дней в горы, где я не была ни разу со дня смерти деды и где меня видели в последний раз маленьким шестилетним ребёнком, – вот что меня обрадовало! И, не отдавая себе отчёта в том – будет ли или не будет счастлива Бэлла, захваченная мыслью о предстоящих мне удовольствиях, я запрыгала и закружилась, хлопая в ладоши, вокруг моей хорошенькой приятельницы.

– Ай, Бэлла, ты княгиня будешь... настоящая княгиня! Ваше сиятельство...

И мы снова обнимались и хохотали, приводя бабушку в негодование нашими дикими проявлениями восторга.

– А когда же мы поедим? – приставала я к отцу за обедом, лукаво переглядываясь с сидящей против меня Бэлкой.

– Завтра я отпущу вас с Юлико... Дедушка Магомет, – обратился отец к своему тестю, – ты возьмёшь с собою маленького княжича?

– В доме старого Магомета рады гостям! – ласково ответил мой дед. – А разве княгиня побрезгует моим гостеприимством?

Но бабушка с любезной благодарностью отклонила предложение.

– Стара я уже для таких поездок, – сказала она, – а Юлико пусть едет, – добавила она милостиво. – Только я не отпущу его без старой Анны. А ты, Георгий, не поедешь в горы?.. – обратилась она к отцу.

Но у отца были постоянные занятия. Войска перебирались в лагерь, и он не мог отлучиться надолго от своего полка.

– Я пришлю тебе мой подарок, Бэлла, – ласково обратился отец к затуманившейся на минуту свояченице.

Они были большими друзьями, и молодой горянке очень хотелось видеть его на своей свадьбе.

Напоминание о подарке, однако, живо прогнало печаль с её милого личика, и она уже громко смеялась и, хлопая в ладоши, рассказывала, какая она будет знатная, богатая узденьша.

– Барбале, на заре мы уезжаем... Прощай! – кричала я, с шумом распахивая дверь каморки Барбале, – уезжаем все: деда, Бэлла, Анна, я и Юлико.

– Анна? И она уезжает? – восторженно спросила моя старушка.

– И Анна! И Анна! Ты можешь одна подавать на стол твоему князю, печь лобии[31 - Лоби - любимое грузинское кушанье.] и мариновать персики. Анна уезжает, радуйся, моя Барбале!

И возвестив любимой служанке столь радостную для неё весть, я уже мчалась дальше по следам Бэллы, крича во всё горло: «Завтра на заре мы уезжаем!»

– Михако, миленький, ты хорошенько присматривай за Шалым, – упрашивала я нашего денщика. – Пожалуйста, Михако.

– Будьте покойны, княжна, – успокаивал он меня, глядя лоснящуюся спину моего вороного.

– Я уезжаю завтра с дедой, – обратилась я к Родам, тщательно разглаживавшей кружевные воротнички Юлико. – Прощай, Родам, я уезжаю надолго.

Нельзя сказать, чтобы девушка приняла с особенной печалью эту новость.

Вечером того же дня я, уходя спать, завернула в кабинет отца. Он лежал на тахте со своей неизменной трубкой в зубах.

– Папа! – тихо сказала я. – Завтра мы уезжаем. Ты прости мне, папа, мои стычки с Юлико, но я его так ненавижу!

– За что, Нина? – спросил отец.

– Ах, не знаю, право... – ответила я. – Кажется, за всё: за важность, за чванство, за трусость... ну, словом, за всё, за всё.

– И ты думаешь, мне это приятно, девочка? – И в голосе моего отца слышались непривычные для моего уха нотки грусти.

– Папочка, – пылко вырвалось у меня, – я знаю, я – дурная, злая девчонка, но зачем они приехали! Без них было так хорошо!

– Тише! Что ты, глупенькая! – И отец зажал мне рот рукою, которую я покрыла горячими, бурными поцелуями. – Ну что мне делать с тобою, буйная ты моя, непобедная головушка? – улыбнулся как-то грустно отец и добавил тихо: – Там-то, в гостях, веди себя, по крайней мере, хорошенько. Я спрошу по приезде дедушку.

– О да! – убеждённо вырвалось у меня. – Я обещаю тебе это, отец! – И, поцеловав его ещё раз, я птичкой выпорхнула из комнаты.

В этот вечер мы долго слушали соловья с Бэллой. Потом, обнявшись, пошли в комнату, где спали в эту ночь вдвоём на широкой тахте.

Молоденькая татарка сбросила с ног красные сафьяновые туфельки и долго молилась, повернувшись лицом к востоку. Её лицо было серьёзно и важно и мало походило на лицо той Бэллы, которая с криком и визгом гонялась за мной по аллеям сада.

– Слава Аллаху и Магомету – Пророку его! – вырывался по временам из груди её молитвенный шёпот.

Глядя на мою подругу, встала на молитву и я.

– Господи, – с тоской повторяла я, – помоги Ты мне, Господи, поменьше обижать Юлико и побольше радовать папу!

Глава V. В дороге. Аул Бестуди. Свадьба Бэллы

Мы выехали на заре... Ещё задолго до восхода у ворот стояла почтовая коляска, куда Родам, Абрек и Андро переносили всевозможные узелки и тюрички с пожитками и провизией. Бабушка напутствовала на крыльце Юлико:

- Ты помни, милый, что настоящий князь должен держать себя с достоинством, - говорила она. - Веди же себя в чужом ауле как подобает тебе по твоему происхождению.

И она перекрестила его несколько раз и поцеловала с материнскою нежностью.

- Прощайте, бабушка, - подошла я к ней.

- Прощай, - сухо кивнула она мне и протянула руку для поцелуя. - Не обижай Юлико... Веди себя прилично...

- Я уже обещала это моему отцу! - не без гордости заявила я и, ещё раз повиснув на папиной шее, шепнула ему, пока он целовал меня в «свои звездочки», как называл он мои глаза в минуту особой нежности: - Слышишь? Я обещала это тебе и постараюсь сдержать моё обещание.

Бэлла занесла ногу в стремя и глядела на дедушку Магомета, готовая повиноваться по одному его взгляду. Они с дедом ни за что не хотели сесть в коляску и решили сопровождать нас всю дорогу верхом. Со мной в экипаж сели Анна и Юлико. Абрек поместился на козлах вместе с ямщиком-татаринном. Нарядный и изнеженный, как всегда, Юлико полулежал на пёстрых подушках тахты, взятых из дома. Ему хотелось спать, и он поминутно жмурился на появляющийся из-за гор багровый диск солнца.

- Ну, храни вас Бог! - осенил отец широким крестным знаменем коляску, провожая меня долгим любящим взглядом...

Лошади тронулись...

Горы и скалы, пастбища и поля, засеянные кукурузой, замелькали перед нами. Мы ехали по долине Куры и любовались её плавным течением. Изредка на пути попадались нам развалины крепостей и замков.

К вечеру мы остановились переменить лошадей и отдохнуть в духане, прежде чем вступить за черту в горы. Духан стоял у подошвы горы, весь почти скрытый под навесом исполинской скалы... Хозяин духана, старый армянин, принял нас как важных путешественников и гостеприимно открыл нам двери духана. Нам отвели самую лучшую комнату с громадным бухаром[32 - Буха?р - камин.], в котором жарился на углях ароматный кусок баранины. Вкусный шашлык[33 - Шашлы?к - восточное кушанье из баранины.], солёный квели[34 - Кве?ли - местный сыр.], лёгкое грузинское вино, заедаемое лавашами[35 - Лава?ш - лепёшки, заменяющие хлеб.], - всё было вмиг уничтожено проголодавшимися желудками.

- Ночь мы проведём в горах, - заявил деда Магомет, чем привёл меня в неопиcуемый восторг.

- А там нет разбойников? - тревожно спросил задремавший было у камина княжич.

- Душманы[36 - Душма?ны - горные разбойники.] всюду... Душманами кишат горы, - со смехом воскликнула Бэлла, но, заметив растерянный вид Юлико, сразу осеклась.

Я же, помня обещание, данное отцу, старалась ничем не дразнить трусливого мальчика.

На свежих горных лошадкаx мы бойко въехали в горы. Я удивлялась только выносливости коней деда и Бэллы, которые неустанно ступали за нами своей быстрой иноходью. Мне хотелось спать, но картина горной ночи была до того заманчиво-прекрасна, что я глядела на неё, не отрываясь и забывая о сне. Палевый диск месяца обливал горы бледно-золотистым дрожащим светом. Внизу бежали потоки, шумя и волнуясь, точно спеша на званный праздник... По краям дороги зияли пропасти, страшные и непроницаемые... Часто-часто среди ночной тишины обрывался камень от уступа и падал с оглушительным стоном в жадные объятия бездны... Юлико вздрагивал от страха и с испугом открывал слипшиеся глаза... Он пугался шума горных потоков и поминутно вскрикивал при падении небольших обвалов и хватал то меня, то Анну за руку.

Между тем мы поднимались всё выше и выше в горы, теперь уже вдоль течения быстрой Арагвы. Миновав её, мы начали углубляться в страну горцев.

Я уснула, убаюканная мирным позвякиванием наших бубенчиков, в первый раз чувствуя себя свободной от нравочений и поминутных выговоров бабушки...

Проснулась я во время остановки у нового духана. Подле меня спала Бэлла. Нимало не уставшая от проведённой в седле ночи, она села в коляску по настоянию деда. Княжич Юлико прикорнул белокурой головкою к плечу старой Анны и также спал.

А солнце уже поднялось высоко и озолотило скаты гор, покрытые зеленью и лесом... Мы ехали теперь по узкой тропинке на самом краю ущелья. Я взглянула вниз, свесившись через край коляски, и тотчас же зажмурила глаза, испугавшись зияющей пасти чёрной бездны.

– Деда! – тихонько окликнула я старика, ехавшего за нами и ведшего на поводу коня Бэллы, – скоро Бестуди?

Он тихо засмеялся в ответ:

– Скоро захотела, торопиться некуда – успеем!

– Возьми меня на седло, деда! – попросила я, и старик, любивший меня, пожалуй, не меньше своей Бэллы, протянул свои сильные руки и, перебросив меня через кузов коляски, опустил на седло Бэллиной лошади.

– Берегись, джаным, предайся воле коня и сиди спокойно, – сказал он, красноречиво косясь на пропасть.

– Я не боюсь! – не без тайной гордости воскликнула я.

И действительно, я больше не ощущала страха.

Целый день ехала я по краю горной стремнины, точно вросшая в седло моего коня... Иногда я понукала его лёгким движением каблучка и ужасно радовалась, когда дед Магомет оглядывался назад и обнимал всю мою маленькую фигурку ободряющим и в то же время любующимся взглядом.

Вдруг я заметила горного тура, выбежавшего на самый край пропасти.

– Ах, – успела только крикнуть я, – смотрите!

Но тур повёл своими круглыми глазами и, увидя приближающуюся кучку людей, скрылся за уступом.

Нам попадались навстречу целые стада серн, прелестных и грациозных, с умными глазами и гибкими членами. Они разбегались при нашем приближении, пугливые и дикие, с ветвистыми рогами.

Проведя ещё ночь под кровлей горного духана, мы наконец к вечеру подъехали к аулу Беджит.

Я первая заметила его белеющие сакли и радостно закричала приветствие, подхваченное горным эхом и разбудившее всё ещё сонного Юлико.

Ещё немного – и, миновав Беджит с его большими и богатыми саклями и высокою мечетью[37 - Мече?ть – мусульманский храм.], мы выехали в лесистую долину и стали снова подниматься к аулу Бестуди, прилепившемуся своими саклями к горным склонам.

Вот полуразвалившиеся бойницы крепости, вот кривая улица, ведущая к дому деда... По ней двенадцать лет тому назад русский воин и князь увозил, пользуясь покровом ночи, неоценённую добычу – красавицу горянку.

Я вспомнила этот аул при первом же взгляде, несмотря на то, что была здесь очень маленькой девочкой.

Нас встретил старый наиб[38 - Наи?б – старшина селения.], весь затканый серебром, с дорогим оружием у пояса. Наиб приветствовал деда с благополучным возвращением.

– Моя внучка – княжна Джаваха-оглы-Джамата, – представил он меня наибу.

– Приветствую дочь русского бека в моём ауле, – величаво и торжественно произнёс старик.

– Это отец моего жениха, – успела мне шепнуть Бэлла. – Он тоже бек, наиб нашего аула. Он важный ага... А я буду женою его сына, – не без гордости произнесла она.

– И тоже будешь тогда важная! – засмеялась я.

– Глупая джанночка! – расхохоталась Бэлла. – А вот и наша сакля. Помнишь?

Коляска остановилась у большой сакли[39 - Са?кля – домик горцев.] деда, приютившейся на самом краю аула, под навесом скалы, созданным самой природой, словно позаботившейся об охране её плоской кровли от горных дождей.

– Вот моё царство! – И с этими словами Бэлла ввела нас под свою кровлю.

В первой комнате, устланной коврами и увешанной по стенам оружием, стояли низенькие тахты и лежали на коврах подушки. Комната эта называлась «кунацкой». Здесь деда принимал своих гостей, здесь пировали лезгины своего и чужих аулов.

Комнатка Бэллы, маленькая, уютная, с ходом на кровлю, была тоже сплошь устлана коврами. Юлико рассматривал всю обстановку сакли любопытными глазами. Он даже на минуту оживился от своей сонливости и, войдя на кровлю, свесившуюся над бездной и охраняемую горной скалою, сказал:

– Здесь точно в сказке! Я вам завидую, Бэлла!

Она, конечно, не поняла, чему он завидует, но рассмеялась по обыкновению своим заразительным смехом.

Между тем со всего аула бежали маленькие горяне и горянки к сакле Хаджи-Магомета. Они с нескрываемым любопытством горных зверьков оглядывали нас, трогали наше платье и, бесцеремонно указывая на нас пальцами, твердили на своём наречии:

– Не хорошо... Смешные...

Им странным казались наши скромные, по их мнению, одежды без серебряных украшений и позументов. Даже бархатная курточка Юлико не производила на них никакого впечатления в сравнении с их пестрыми атласными бешметами.

– Глупые маленькие дикари! – обидчиво произнёс Юлико, когда Бэлла перевела нам наивный лепет юного татарского населения. А они, раскрыв свои чёрные газели глазки, лепетали что-то оживлённо и скоро, удивляясь, чему сердится этот смешной беленький мальчик.

Вечером я заснула на открытом воздухе, на плоской кровле, где хорошенькая Бэлла сушила виноград и дыни...

Уже горы окунулись во мрак ночи, уже мулла прокричал свою вечернюю молитву с крыши минарета, когда прямо на мою низенькую, почти в уровень с полом постель прыгнул кто-то с ловкостью горной газели.

– Спишь, радость, – услышала я шёпот моей шалуни-тётки.

– Нет ещё! А что?

– Хочешь, покажу моего жениха, молодого князя? Он у отца в кунацкой... Иди за мной.

И, не дожидаясь моего ответа, Бэлла, ловкая и быстрая, как кошка, стала спускаться по крутой лестнице. Через минуту мы уже прильнули к окну кунацкой... Там было много народу, все седые большею частью, важные лезгины. Был тут и старый бек – наиб аула, встретивший нас по приезде. Между всеми этими старыми, убелёнными мудрыми сединами людьми ярко выделялся стройный и тоненький, совсем юный, почти ребёнок, джигит.

– Это и есть мой Израил! – шепнула мне Бэлла.

– Красивый мальчик! – убеждённо заметила я. – Зачем они собрались, Бэлла?

– Тсс! Тише, глупенькая... Услышат – беда будет. Сегодня они с отцом вносят моему отцу калым... [40 - Калы?м – выкуп. По обычаю горцев, жених даёт деньги за невесту.] Сегодня калым, через три дня свадьба... Продали Бэллу... «Прощай,

свобода!», скажет Бэлла... – грустно заключила она.

– А разве ты не хочешь выйти за Израила? – заинтересовалась я.

– Страшно, джаным: у Израила мать есть, сестра есть... и ещё сестра... много сестёр... На всех угодить надо... Страшно... А, да что уж, – неожиданно прибавила она и вдруг залилась раскатистым смехом, – свадьба будет, новый бешмет будет, барана зажарят, палить будут, джигитовка... Славно! И всё для Бэллы!.. Ну, айда, бежим, а то заметят! – И мы с гиканьем и смехом отпрянули от окна и бросились к себе, разбудив по дороге заворчавшую Анну и Юлико.

Через три дня была свадьба...

Бэлла с утра сидела в сакле на своей половине, где старая лезгинка, её дальняя родственница, убирала и плела её волосы в сотни тоненьких косичек. Набралось сюда немало лезгинских девушек – поглазеть на невесту. Тут была стройная и пугливая, как серна, Еме, и Зара с недобрим восточным лицом, завидовавшая участи Бэллы, и розовая Салеме с кошачьими ухватками, и многие другие.

Но Бэлла, переставшая почему-то смеяться, жалась ко мне, пренебрегая обществом своих подруг.

– Нина, светик, яхонтовая... – шептала она по временам и быстро, быстро и часто целовала меня в глаза, лоб и щёки.

Она волновалась... В белом, шитом серебром бешмете, в жемчужной шапочке, с длинной, мастерски затканной чадрой, с массой ожерелий и запястий, которые поминутно позвякивали на её твёрдой и тонкой смуглой шейке, Бэлла казалась красавицей.

Я не могла не сказать ей этого.

– У-у, глупенькая, – снова услышала я её серебристый смех, – что говорит-то, сама душечка! У-у, газельи глазки, розаны-губки, зубы-жемчужины! – истинно восточными комплиментами наградила она меня.

Потом вдруг оборвала смех и тихо шепнула:

– Пора.

Еме подала ей бубен... Она встала, повела глазами, блестящими и тоскливыми в одно и то же время, и вдруг, внезапно сорвавшись с места и ударяя в бубен, понеслась по ковру в безумной и упоительной родимой пляске.

Бубен звенел и стонал под ударами её смуглой хорошенькой ручки. Стройная ножка скользила по ковру... Она вскрикивала по временам быстро и односложно, сверкая при этом чёрными и глубокими, как горная стремнина, глазами. Потом закружилась, как волчок, в ускоренном темпе лезгинки, окружённая, точно облаком, развевающеюся белою чадрую.

Салеме, Еме, Зара и другие девушки ударяли в такт в ладоши и притоптывали каблуками.

Потом плясали они. Наконец очередь пришла на меня. Мне было совестно выступать на суд этих диких, ничем не стесняющихся дочерей аула, но не плясать на свадьбе – значило обидеть невесту, и, скрепя сердце, я решилась. Я видела, как во сне, усмехающееся недоброе лицо Зары и поощрительно улыбающиеся глазки Бэллы, слышала громкие возгласы одобрения, звон бубна, весёлый крик, песни... Я кружилась всё быстрее и быстрее, как птица летая по устланному коврами полу сакли, звеня бубном, переданным мне Бэллой, и разбросав по плечам чёрные кудри, хлеставшие моё лицо, щёки, шею...

– Якши![41 - Я?кши – хорошо.] Нина молодец! Хорошо, девочка! Ай да урус! Ай да дочь русского бека! – услышала я голос моего деда, появившегося во время моей пляски на пороге сакли вместе с важнейшими гостями. – Якши, внучка! – еще раз улыбнулся он и протянул руки.

Я со смехом бросилась к нему и скрыла лицо на его груди... И старые строгие ценители лезгинки, сами мастерски её танцующие черкесы, хвалили меня.

Между тем Бэлла, которая не могла, по обычаю племени, показываться в день свадьбы гостям, набросила на лицо чадру и скрылась за занавеской.

Из кунацкой доносились плачущие звуки зурны[42 - Зу?рна – музыкальный инструмент вроде волынки.] и чиунгури[43 - Чиунгу?ри – род гитары.]. Дед Магомет и бек-наиб позвали всех в кунацкую, где юноша-сазандар[44 -

Сазанда?р – странствующий певец, а также музыкальный инструмент (прим. ред.).] с робкими мечтательными глазами настраивал зурну.

Я и Юлико последовали туда за взрослыми.

– Как вы хорошо плясали, Нина, куда лучше всех этих девушек, – шепнул мне восторженно мой двоюродный брат. – Я бы хотел научиться плясать так же.

«Куда тебе, с твоими кривыми ногами!» – хотелось крикнуть мне, но, вспомня обещание, данное мною отцу, я сдержалась.

Лезгины расселись по тахтам и подушкам. Слуги поставили между ними дымящиеся куски баранины, распространяющие вкусный аромат, блюда с пряными сладостями, кувшины с душистым шербетом[45 - Шербе?т – традиционный напиток в странах Востока (прим. ред.).] и с какою-то переливающейся янтарной влагою, которую они пили, вспоминая Аллаха.

Девушки одна за другою выходили на середину и с пылающими лицами и блестящими глазами отплясывали лезгинку. К ним присоединялись юноши-лезгины, стараясь превзойти друг друга в искусстве танцев. Только юный бек Израил, жених Бэллы, сидел задумчивый между дедом Магометом и своим отцом наибом. Мне было почему-то жаль молоденького бека, жаль и Бэллу, связанных навеки друг с другом по желанию старших, и я искренне пожелала им счастья...

Лезгинка кончилась, и выступил сазандар со своей чиунгури.

Он тихо провёл рукой по струнам своего инструмента, и запели струны, которым вторил молодой и сочный голос сазандара.

Он пел о недавнем прошлом, о могучем чёрном орле, побеждённом белыми соколами, о кровавых войнах и грозных подвигах лихих джигитов... Мне казалось, что я слышала и вой пушек, и ружейные выстрелы в сильных звуках чиунгури... Потом эти звуки заговорили иное... Струны запели о белом пленнике и любви к нему джигитской девушки. Тут была целая поэма с соловьиными трелями и розовым ароматом...

И седые важные лезгины, престарелые наибы соседних аулов и гордые беки слушали, затаив дыхание, смуглого сазандара...

Он кончил, и в его ветхую папаху, встретившую не одну непогоду под открытым небом, посыпались червонцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Де?да – мать по-грузински (здесь и далее примечания автора).

2

Джаны?м – по-татарски душа, душенька – самая употребительная ласка на Востоке.

3

Мулла? – священник у мусульман.

4

Бешмет – род кафтана, обшитого галуном.

5

Аул – селение горцев.

6

Кишмиш – изюм.

7

Горцы называли русских и грузин, вообще христиан – урусами.

8

Аллах – Бог.

9

Куна?к – друг, приятель.

10

Бато?но – господин по-грузински; это слово прибавляют для почтительности.

11

Чеми патара сакварело – Моя возлюбленная малютка по-грузински.

12

Джигиты – рыцари-горцы.

13

Минарет – башенка на мусульманской мечети.

14

Айда? – вперёд на языке горцев.

15

Дели-акы?з – сумасшедшая девчонка по-татарски.

16

Шайта?н – дьявол по-татарски.

17

Арба? – местный грузинский экипаж (телега).

18

Чадра? – покрывало, женский убор на Востоке.

19

Шальва?ры – шаровары.

20

Вай-вай – чисто грузинский возглас горя, испуга.

21

Чече?нец – горец.

22

Ну?кер – слуга.

23

Мюри?ды – воины, окружавшие Шамиля.

24

А?га – господин по-горски.

25

Узде?нь – дворянин (прим. ред.).

26

Бе?ки – князья.

27

Ио?к – нет по-горски.

28

Осетины – презируемое между горцами племя.

29

Духа?н – кабачок, харчевня.

30

Обычай татарок скрывать лицо чадрую.

31

Ло?бии – любимое грузинское кушанье.

32

Буха?р – камин.

33

Шашлы?к – восточное кушанье из баранины.

34

Кве?ли – местный сыр.

35

Лава?ш – лепёшки, заменяющие хлеб.

36

Душма?ны – горные разбойники.

37

Мече?ть – мусульманский храм.

38

Наи?б – старшина селения.

39

Са?кля – домик горцев.

40

Калы?м – выкуп. По обычаю горцев, жених даёт деньги за невесту.

41

Я?кши – хорошо.

42

Зу?рна – музыкальный инструмент вроде волынки.

43

Чиунгу?ри – род гитары.

44

Сазанда?р – странствующий певец, а также музыкальный инструмент (прим. ред.).

45

Шербе?т – традиционный напиток в странах Востока (прим. ред.).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/lidiya-charskaya/knyazhna-dzhavaha-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)